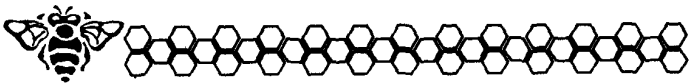

STUDIA PHILOLOGICA

МАЛАЯ СЕРИЯ

Андрей ТАРАСОВ

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА?
ПРАВЕДНИКИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2001

ББК 83.3(2Рус=Рус)1
Т 19

Тарасов А. Б.

Т19

Что есть истина? Праведники Льва Толстого. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 176 с. – (Studia philologica. Малая сер.).

ISBN 5-7859-0215-X

В данной книге представлено монографическое исследование, посвященное духовно-религиозным аспектам художественного творчества Л. Н. Толстого. Большое значение наряду с тремя романами писателя придается его «малым» произведениям и наброскам, до сих пор практически не исследованным, но имеющим принципиальное значение при изучении представлений Толстого о смысле человеческого бытия, о высшей жизненной правде. В сознании отечественного читателя сложился образ Толстого-бунтаря, сектанта и даже богоотступника, активно распахивающего церковные и государственные устои. В последние годы все более популярной становится иная идея — идея Толстого как религиозного учителя всего человечества, идея «духовного экуменизма» писателя, стремящегося к объединению разных религий. Автор предлагаемой книги убежден, что существенным в художественном мире писателя следует признавать православное понимание правды и праведничества. Раскрытие православной стороны литературного наследия Толстого в сопоставлении с неправославной, основанное на конкретных примерах из его литературных и философско-публицистических произведений, на биографических фактах, позволяет значительно расширить представление о реальной сложности и подлинном богатстве личности и творчества великого писателя.

Книга адресована как филологам, философам, религиоведам, так и всем, интересующимся историей культурной и духовной жизни России.

ББК 83.3(2Рус=Рус)1

*В оформлении обложки использована картина
Н. Ге «„Что есть истина?“ Христос и Пилат»*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0215-X

9 785785 902152 >

© А. Б. Тарасов, 2001
© Ю. С. Саввич. Оформление
серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Как мыслит, литературовед?	7
ГЛАВА ВТОРАЯ. Праведники и праведничество в жизни и творчестве Толстого 1850—1870-х годов	37
1. Первые художественные опыты изображения праведников в творчестве Толстого	39
2. Своеобразие положительных героев романа «Война и мир»	51
3. Проблема праведничества в романе «Анна Каренина»	56
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Праведничество как литературная и духовная проблема творчества Толстого 1880-х годов	69
1. Специфика и хронологические рамки «духовного перелома» Толстого	71
2. Народные рассказы — цикл произведений о праведниках	77
3. Возвращение к «художественному». Тип «кающихся грешников» («обращающихся праведников») в произведениях Толстого второй половины 1880-х годов	86
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Праведники, лжеправедники и подвижники в художественных произведениях Толстого 1890-х годов	95
1. «Монастырская» тема. Проблема праведничества и лжеправедничества в повести «Отец Сергей»	97
2. Проблемы интерпретации темы праведничества в повести «Хозяин и работник»	106
3. Праведники и подвижники и тема воскресения в романе «Воскресение»	110

<i>ГЛАВА ПЯТАЯ. Художественные «итоги» размышлений Толстого о праведничестве в произведениях 1900-х годов.....</i>	121
1. «Тип старика, который у меня предвосхитил Чехов» (праведники у Толстого и Чехова)	123
2. Повесть «Фальшивый купон» — цикл мини-житий авторских праведников	130
3. Легенда «Разрушение ада и восстановление его» как «объективный» итог «субъективной» концепции праведничества Толстого	139
4. «Божеское» и «человеческое» в последних произведениях Толстого	145
 <i>ГЛАВА ШЕСТАЯ. «Толстой не мог правдиво написать неправду...» .....</i>	 159

*Моим любимым родителям
Б. Н. Тарасову и Л. И. Тарасовой*

Глава первая

Како мыслѣши, литературовѣд?

В музее Л. Н. Толстого в Ясной Поляне есть так называемая «сундучная комната», где, помимо прочих интересных предметов, связанных с жизнью писателя, хранятся и ленты от венков с его могилы. Среди восторженных надписей на этих лентах попадетя и такая: «Льву — великому богу». Во многом именно с Толстым был связан апогей гуманистической религии человекобожества, охвативший различные слои не только европейского, но и русского общества на рубеже XIX—XX вв.

В этом отношении показательны дарственные автографы на книгах и брошюрах, адресованных Толстому и до сих пор хранящиеся в его яснополянской библиотеке. Так, например, крестьянин И. Г. Болтышев подарил Толстому книгу со следующей надписью: «Великому Гению Мысли человеческой и носителю Правды Истинного восстановления Учения Иисуса Христа Льву Николаевичу Толстому». А. А. Волков прислал писателю «Записки унтер-офицера» с надписью «Великому апостолу мира Графу Льву Николаевичу Толстому», а А. Радомский сопроводил свою книгу «Сын народа» словами «Добросовестнейшему истолкователю Евангелия Льву Николаевичу Толстому». Еще более откровенное превозношение писателя при чтении посвящения ему от П. А. Рогозинского, автора книги «Сброшенные оковы»: «Великому писателю Земли Русской, дивному источнику правды — графу Льву Николаевичу Толстому». Всем известно и отношение А. П. Чехова к жизни и творчеству Толстого — если умрет великий писатель, то всё «пойдет к черту» и не будет у людей нравственной опоры. Любопытно отметить, что некоторые представители интеллигенции (к примеру, К. И. Чуковский) подобным образом воспринимали самого Чехова.

С другой стороны, в наше время читатель получает все бóльшую возможность ознакомиться с иной точкой зрения на Толстого. Так, среди церковных людей разного сословия XIX — начала XX века бытовало противоположное мнение: Толстой — воплощение всяческой неправды, ненавистник Церкви и враг христианства. А некоторая часть нецерковной или околоцерковной интеллигенции обвиняла писателя в измене интеллигенции и ее идеалам. Как видим, в русском обществе толстовского времени сосуществовало несколько основных представлений о высшей жизненной правде. И те, кто придерживался этих представлений, весьма активно реагировали на все, связанное с Толстым, и пытались судить или обсуждать его со своих позиций.

Пушкин точно определил сферу деятельности, в которой заложены ответы на вопросы о смысле творчества и жизни любого писателя: «Слова поэта суть его дела». Думается, проникнуть в тайну Льва Толстого, разобраться, в чем же он видел абсолютную истину, высшую жизненную правду, невозможно без самого писателя, то есть без внимательного, непредвзятого прочтения и изучения его произведений. Однако, наряду с этим, важно иметь в виду контекст мировой религиозной и культурной жизни, что поможет глубже заглянуть в сокровенное толстовского понимания праведничества.

2

Размышляя о праведничестве и праведниках, несомненно стоит обратиться к Ветхому Завету, откуда узнаем, что история праведничества начинается с первого человека Адама (в раю и после искупления грехопадения), его сына Авеля, продолжается Авраамом, Ноем, Лотом, многочисленными пророками, Симеоном-Богоприимцем, праведными Иоакимом и Анной (родителями Богородицы), праведным Иосифом (обручеником Девы Марии), переходит в Новый Завет, в котором раскрывается *первообраз* праведника — Богочеловек Иисус Христос (хотя, впрочем, уже в ветхозаветное время царь и пророк Давид постоянно в своих псалмах обращался к Богу как Праведнику — см., например, псалмы 36, 84, 91, — да и не только он). Вполне определенное представление о понимании праведничества можно почерпнуть из новозаветных текстов (см., например: Мф 16: 22—23; Деян 22: 14;

Послания апостола Павла (Рим 4: 10; Евр 12; Тит 3: 5 и т. д.); 1 Ин 2: 1—2; 3: 7—8 и многие другие). Тексты Ветхого и Нового завета, как известно, являлись основным источником творческого вдохновения как для средневековых художников, так и для людей XVII—XX веков.

Думается, современному пытливому читателю важно понять, как *реально* (а не в воображении) толстовский текст (в широком понимании этого слова) вписывался в мировой контекст. Для достижения обозначенной цели необходимо осознание смысла и духа библейских текстов, с одной стороны, и толстовских произведений, с другой. В первом случае лучше всего нам помогут святоотеческие творения, на которые мы и будем ссылаться. Во втором случае нужно узнать, как мыслят о Толстом литературоведы и все те, кто так или иначе выступал в роли литературоведа, обращаясь к наследию писателя. С них, как кажется, и стоит начать.

Вполне очевидно, что праведники и праведничество — прежде всего тема филологическая, ибо представления о семантико-онтологическом наполнении слов «праведный», «праведник» мы получаем из *текстов* Священного Писания, из их анализа и восприятия в истории человечества (устных и письменных свидетельств Священного Предания, научных, художественных произведений), из изучения опыта трансформации, оспаривания, противодействия этим текстам и создания новых текстов, новых смыслов прежних понятий.

Поэтому очевидно, что толстоведы, интересующиеся проблемой праведничества и смежными с ней вопросами, неизбежно должны учитывать мировоззрение, религиозные взгляды, философию Толстого в целом не в меньшей степени, чем его собственно литературно-художественное наследие. Только гармоничное сочетание анализа этих разных, но тесно связанных между собой сторон творческой деятельности писателя может гарантировать продуктивность изучения и осмысления толстовской концепции праведничества. Подобный подход особенно ценен применительно к поздним художественным произведениям Толстого. В то же время стоит обращаться и к фактам литературной и житейской биографии «раннего» Толстого, а также его предшественников и современников. Без учета этих фактов не совсем понятно будет становление идеалов писателя, их своеобразие.

Интерес к вопросам праведности, реального воплощения высоких человеческих идеалов явственно ощущается в светской культуре на протяжении всего XIX столетия. Об этом свидетельствуют, например, поэмы декабристов А. А. Бестужева «Андрей, князь Переяславский», А. И. Одоевского «Василько», В. К. Кюхельбекера «Агасвер», его же мистерия «Ижорский», творчество А. С. Пушкина («Капитанская дочка» и др. произведения), Н. В. Гоголя (например, «Мертвые души»), драматургия А. Н. Островского, издание в 1836 г. Д. А. Эристовым и лицейским товарищем Пушкина М. Л. Яковлевым «Словаря о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых» и т. д. и т. п. Этот интерес, с одной стороны, подпитывался новым соприкосновением интеллигенции с народом и Церковью после Отечественной войны 1812 г., а с другой стороны, сам способствовал стремлению к более серьезному изучению, теоретическому и художественно-практическому осмыслению жизни народа и Церкви.

Одним из первых «специалистов», «профессионалов» именно в исследовании праведничества, пожалуй, следует признать Н. С. Лескова. Он не только изучал церковную литературу (Св. Писание, Прологи, Минеи, Патерики), фольклорные произведения (духовные стихи, религиозные легенды, песни, сказки), не только создал самую большую галерею образов праведников, объединив некоторые свои творения даже в цикл «Праведники», но и пытался теоретически осмыслить само явление праведничества, определить рамки семантического наполнения слова-термина «праведник». По Лескову, неверно называть людей святой жизни героями, ибо «святые отличались возвышенными свойствами гораздо более высокого качества, именно — *праведностью*»¹ и «прожить изо дня в день праведно долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастно врага, гораздо труднее, чем броситься в бездну, как Курций, или вонзить себе в грудь пук штыков, как известный герой швейцарской свободы»².

¹ Лесков Н. С. О героях и праведниках (заметка) // Церковно-общественный вестник. 1881. № 129. С. 5.

² Там же.

В статьях Лескова «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи (религия страха и религия любви)» и «Лучший богомолец: (Краткая повесть по Прологу с предисловием и послесловием о “тенденциях” Л. Толстого)» представлен один из первых опытов осмысления позднего творчества Толстого. Защищая «ересиарха» Толстого прежде всего от критических замечаний К. Н. Леонтьева, Лесков указывал на, как ему казалось, подлинно христианский дух творений яснополянского писателя, где побеждает любовь к ближним и уже нет страха перед Богом. Он опровергал мнение о нехристианских «тенденциях» Толстого на основе конкретного разбора произведений Толстого, в частности источника рассказа «Три старца» («Слова от Лимониса о мурине дровосечие» из Пролога) и самого рассказа Толстого. Лесков сделал вывод о их полном сходстве по духу.

В ином виде рисовалось христианство Толстого К. Н. Леонтьеву. В известной книге «Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и граф Лев Толстой...» он характеризует религиозное мировоззрение Толстого и Достоевского как сентиментальное, «розовое» христианство, утверждая, что оба писателя признают «святым и божественным только то, что наиболее приближается к чуждым православию понятиям европейского утилитарного прогресса»³. Вряд ли можно согласиться со столь категоричным выводом. Однако книга Леонтьева содержит немало точных и ценных наблюдений над текстом рассказа Толстого «Чем люди живы?», раскрывает его двупланность. По словам Леонтьева, в этом произведении Толстого полноправно звучит не только голос тенденции автора, его своеобразного, нехристианского понимания любви (любви «самовольной, чисто-утилитарной, ничем не сдержанной и не направленной», в которой нет любви к Богу и Церкви), но и голос православного мировосприятия, когда страх греха и Бога, смирение осмысляются как начало духовного делания, «премудрости», а любовь — как плод духовной жизни (в качестве примера он приводит покаяние ангела и Матрены).

Здесь, кстати, важно подчеркнуть, что Лесков, защищая «ересиарха» Толстого от «нетерпимости» Леонтьева, по сути спорил с

---

³ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и граф Лев Толстой (по поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести графа Толстого «Чем люди живы?»). М., 1882. С. IV.

собственными представлениями о книге оппонента, а не с ним самим. Леонтьев ни разу не ставил страх (понимаемый к тому же Лесковым буквально, в низком, обыденном, а не высокорелигиозном смысле) выше любви, а только указывал, что подлинная любовь не рождается из ничего, являясь высшим даром Божиим, конечным результатом духовных усилий, смирения, кротости и страха Бога и греха. И все же Леонтьев не стал тщательно изучать собственно толстовские представления об истине, о жизненной правде, не учел он и фольклорного источника рассказа «Чем люди живы?» (легенда олонецкого сказителя Щеголенка и легенда «Ангел» из сборника А. Н. Афанасьева «Русские народные легенды»), что привело его к чрезмерному противопоставлению художника и мыслителя даже в пределах одного этого рассказа.

В отличие от Лескова и Леонтьева, значительная часть современников Толстого уделяла преимущественное внимание его социально-экономическим, политическим и религиозным взглядам в целом. При этом, разумеется, анализировались отдельные эпизоды философской публицистики (а иногда и художественных произведений) писателя. Хочется обратить внимание на труды тех ученых-философов, критиков и богословов, которые, не затрагивая непосредственно тему праведничества, дают общее представление о характере религиозного мировоззрения Толстого, приближая нас к пониманию основ концепции праведничества писателя. Среди них можно условно выделить два направления: «критическое» и «апологетическое». К первому прежде всего следует отнести таких деятелей науки, как П. Е. Астафьев, А. А. Козлов, А. Гусев, Е. Бобров, Л. Э. Слонимский, Д. Аннинский⁴. Большинство из них, размышляя о религиозно-философской деятельности Толстого, отмечали ее несоответствие установившимся традиционным представлениям и понятиям о философии и религии.

⁴ См.: Аннинский Д. Граф Лев Николаевич Толстой как моралист. Рязань, 1914; Астафьев П. Е. Учение графа Л. Н. Толстого в его целом. М., 1892; Бобров Е. Этические воззрения графа Л. Н. Толстого и философская их критика. Юрьев (Дерпт), 1897; Гусев А. Любовь к людям в учении графа Л. Толстого и его руководителей. Казань, 1892; Козлов А. А. Религия графа Л. Н. Толстого. СПб., 1888; Слонимский Л. Э. «Учение истины» и практическая мораль графа Л. Н. Толстого. Ч. 13. Произведения последних лет. 1-е изд. М., 1891 // Вестник Европы. 1891. № 9.

Поэтому, как считали, например, А. А. Козлов, А. Гусев, Е. Бобров, учение яснополянского мудреца нельзя признать в собственном смысле слова ни философией, ни религией, ни имеющим прямое отношение к христианству. Они демонстрировали существенные изменения в Евангелии, допущенные Толстым.

С критикой религиозных воззрений писателя часто выступали деятели Православной Церкви (особенно после появления «Крейцеровой сонаты»). Святители Феофан (Говоров), Никон (Рождественский), Антоний (Храповицкий), священник Павел Городцев, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и многие другие настойчиво подчеркивали антицерковный характер религиозно-литературной деятельности Толстого.

Однако все эти ученые, критики и богословы, высказывая немало ценных и точных замечаний, не ставили себе целью серьезный и подробный анализ целого ряда важных художественных произведений Толстого, упустив из виду, так сказать, положительное начало, быть может, целиком не укладывающееся в рамки «направления», но являющееся неотъемлемой и не случайной частью творческого наследия писателя.

Другая ситуация наблюдается в «апологетических» работах. Еще А. Гусев отмечал, что поклонники Толстого Н. Н. Страхов и В. П. Буренин, увлекаясь талантом писателя, смешивали понятия «христианство» и «толстовство», отождествляя их, что приводит к непониманию как природы христианства, так и творчества Толстого.

Дань подобному подходу отдали и Н. С. Лесков, и М. О. Меньшиков. В начале XX в. к ним присоединились ближайшие последователи Толстого: В. Г. и А. К. Чертковы, Н. Н. Гусев, В. Булгаков, молодой П. Сорокин. А. К. Черткова, например, упрекала тех, кто указывал на предвзятое отношение Толстого к православию, на его плохое знание писаний святых отцов и «извращение действительности». В доказательство противоположного утверждения она приводила ценный конкретный материал о широте знакомства Толстого с духовно-нравственной литературой («Добротолюбие», Прологи, творения Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Тихона Задонского), о его стремлении публиковать произведения православных авторов в издательстве «Посредник». Однако как бы игнорируя (возможно, не совсем осознанно) подлинный смысл и направленность текстов Толстого и своеобразие